

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

И ВАШЕ ЗЕРКАЛО ТОЖЕ

Светлана ОВЧИННИКОВА

Сегодня кажется, что популярность артиста Николая Караченцова началась в 1974 году, когда он сыграл Тилу — героя с замечательной фамилией Уленшпигель, что в переводе означает «ваше зеркало».

На самом деле стать «нашим зеркалом» он сумел значительно раньше, с первых же шагов на сцене, в конце 60-х годов, когда выпускник Школы-студии МХАТа только пришел в Московский театр имени Ленинского комсомола. Место этого «амплуа» — быть отражением тех, кто сидит в зале, — на театре всегда заполнено и одновременно всегда вакантно. Потому что неутолима жажда каждого поколения к общению с актером, умеющим быть героем и собой, собой и нами, нами в зале и миллионами за его стенами...

В своем первом сезоне он сыграл Кольку в «Суджанских мадоннах» — замученного фашистами юного сына героини спектакля. И уже тогда о его работе написали: «Самый запоминающийся...» В том же 1967 году в «Дыме Отечества» К. Симонова он играет Шурку Басаргина — и читаю очень точное определение в одной из рецензий, где писалось о Караченнове: «Живой огонь спектакля». Еще семь лет оставалось до Тили, но «пепел всех Клаасов» уже стучал в его актерское сердце.

И тогда, когда он играл одного из четырех солдат, создавших образ спектакля «Прощай, оружие!», — «как голос самого Шурку Басаргина», написал об актере Константин Михайлович Симонов.

И когда его Бусыгин в телеспектакле «Старший сын» А. Вампилова принимал «на себя» одиночество старика Сарафанова и первое горе юного Васеньки.

И когда в киноэпопее «Солдаты свободы» его герой в горячей одежде живым факелом ринулся на встречу фашистскому танку.

И когда через собственную боль обрел горькую и счастливую способность слышать чужую боль, будучи Семеном Карабановым в «Колонистах» по А. Манаренко. Я знала Семена Афанасьевича Калабаллина и свидетельствую эту удивительную похожесть героя и его прототипа.

Это свойство артиста Н. Караченцова — быть портретно похожим на своих героев. При этом никогда не прятаясь за гримом. Длиноволосый парень с юго-запада Москвы становился похож не только на своего сверстника Володьку Бусыгина, но на шута-простолодина из Фландрии XVI века, русского графа из XIX или сына датского вельможи из IX. В чем тут секрет? Видимо, в высокой степени духовной похожести. Это одно из свойств таланта: наделять своим обликом геро-

ев. Может быть, определяющее. Но талант — не только дар Караченцову и дар Караченцова. Это еще и тема его творчества. Он играет талантливых людей. А, как известно, нет ничего труднее этого в актерском искусстве.

«Ты бездарный человек, Рыбник, — скажет его Тиль. — Даже на убийство у тебя не хватает таланта!». И в единственной своей отрицательной роли — Смерти в спектакле «Звезда и Смерть Хоакино Мурьеты» П. Неруды — он сыграл бездарность как непременный атрибут фашизма.

А во всех остальных ролях будет играть талант. Или обретение себя от прикосновения к талантом, как в «Музыке на 11-ом этаже». Его Тиль будет прежде всего талантлив, как любой великий шут прошлого. Он будет художником и менестрелем, циркачом и оратором. Не только духом Фландрии, соевостью Фландрии, но и ее талантом.

Назавтра после премьеры в десятках статей возникнут слова «синтетический актер». Как название суммы, слагаемыми которой станут умение Караченцова быть профессиональным певцом, мимом, акробатом. Это и наследственное для сына балерины и художника, и наработанное годами самосжигающего труда.

Н. Караченцов — человек, который не умеет в искусстве «сидеть, развалившись в кресле». Он работает, преодолевая травмы перегруженных связок, не обращая внимания на температуру под сорок — это для него не повод к отмене репетиции или спектакля. Работает и как актер, и как режиссер, беря на себя всю черную работу в «Мурьете», в «Юноне» и «Авось», терпеливо и настойчиво репетируя вводы, стоя на протяжении целого спектакля в кулисах, переживая за всех и не давая поблажек исполнителю даже самой незаметной партии в спектакле. Он имеет на это право потому, что в первую очередь не делает поблажек себе. Знаю это не от самого артиста, а от тех, с кем общается он в жизни. Редко о ком говорят с такой теплотой.

Может быть, и поэтом, именно ему удалось больше, чем кому бы то ни было другому из артистов Театра имени Ленинского комсомола, выразить демократичный, площадный, азартный стиль целого цикла его спектаклей. Площадь взыскательнее зала. Она издревле требовала от актера сотворения чуда. И рискнуть на возрождение, пусть в адаптированном нашем интеллектуальном веком варианте, площадного театра главный режиссер Ленкома Марк Захаров мог решиться, только имея актеров, способных на это чудо. Первым среди них стал Н. Караченцов — темпераментный,

органичный, азартно-обаятельный, не похожий ни на кого из своих коллег и похожий на сидящих в зале. Овладевший ремеслом настолько, что стал мастером и не начившись при этом экономить себя.

Такая самоотдача всегда видна залу. Не случайно в оценке работы актера рецензент-зритель употребил редкое по восторженности слово «сногсшибательная». Эта восторженность объяснима каждым, кому удалось посмотреть «Тилу». А вот слово «синтетический» как-то холодно и казенно в отношении к этому артисту. Оно — о технической стороне его мастерства и потому неудовольственное слово.

А мастерство Н. Караченцова всегда обладает духовностью. Пластично и музыкально не только его тело, но и душа. Предельна не только самоотдача его физических сил на спектакле, но и отдача сил душевных. Он играет на пределе распахнутости души, обнаженности эмоций. Балансируя на острие, с которого так легко сверзнуться в наигрыш или бездушный техничный формализм. С ним этого не случается, потому что от роли к роли богатеет еще одно актерское качество Н. Караченцова — его умение в спектакле любого жанра, в роли пусть словесно скудной, на каждом из лицедейских языков — слова, пения, танца, даже акробатики — выявлять философию роли. Вспомните хотя бы, как из нескольких появлений в «Мурьете» вырастает философия фашизма как убийства любви, таланта, всего человеческого.

Казалось, здесь следовало поставить точку в эскизе к творческому портрету артиста. Но тут случилась «авария». Тихая, едва заметная. Актер сыграл почти эпизодическую роль в «Нестоящих играх» А. Арбузова, как всегда, темпераментно, заразительно, обаятельно. В этом «как всегда» таилась первая копия, снятая с себя и выдаваемая, пусть невольно, за подлинник. На сцене был не Мишка Земцов, а Николай Караченцов: не состоялась единственность решения роли. Впрочем, может быть, с этой ролью и не может быть любовного альянса. Но речь сейчас не о ней — об актере. В иной судьбе можно было бы и не заметить этого даже не провала, а полуудачи. Но Н. Караченцов уже был Уленшпигелем — нашим зеркалом. Он сам взял себе точку отсчета.

Тревога длилась почти два года. Боязнь того, что пусть очень высокий, но «потолок» есть, и он уже достигнут.

А потом состоялась премьера спектакля «Юнона» и «Авось» — современной оперы в двух частях по поэме А. Вознесенского. В нем три главные роли. Одна из них — Николай Петрович Резанов, выдающийся русский путешественник, государственный герой самого начала века XIX. То, что актер Николай Петрович Караченцов и герой — двойные тезки, кажется не совпадением, а знамением. Подлинные слезы, подлинная страсть, подлинная боль и даже смерть, о которой герой сам поет в микрофон, — что может быть ирреальнее — были полны впечатляющей силы. Как, каким чудом удалось соединить эту «истинность страстей и правдоподобие чувствований» с вызывающей условностью оперы на сцене драматического театра? Не знаю. Но это стало главным в этом спектакле.

Актер стал лучше? Нет, ведь и Тиль — работа прекрасная. Разнообразнее? Нет. Судьба его была щедрой на самые непохожие роли. Точнее всего, он стал взрослее, может быть, впервые придя на сцену не мальчиком, но мужем. Красным шутовским клоуном Тиль завершился в творчестве Караченцова период разудалого площадного театра. Резановым начался период театра острой и строгой психологической характерности. За Николаем Петровичем Резановым уже могут, должны последовать Треплев и Раскольников, Гамлет и Царь Федор...

Играя Тилу или Резанова, актер говорит не только о том, что были такие, но и о том, что такие есть. По обе стороны рамп.

Ведь фамилия Тиль — Уленшпигель. Что в переводе означает «ваше зеркало». Ваше зеркало, читатель.

Заслуженный артист РСФСР Николай Караченцов.